

Гаитянский вариант ¹

Гроб с телом женщины на двух некрашенных табуретках скрывал за собой троих самых черных и кучерявых братьев, и только рыжие вихры старшего видны были тем, кто стоял напротив семьи вдовца. Заохал парусивший серой щекой барабан музыкального взвода. Малышей взяли на руки, а девятилетний Хамит, когда солдаты принялись опускать в могилу уже заколоченный гроб, подошел к самому краю и внимательно проследил, что же они будут делать дальше. Солдаты быстро забросали яму землей. Тогда рыжий Хамит сказал братишкам:

– Мама умерла, – и те впервые разом отчаянно заревели.

По возвращению в гарнизон, капитан Исабаев, закрыв детей в своей единственной комнате, стоял на кухне с офицерами и поминал жену. Ребята расстегнули кители и укоряли его за то, что он отказался от помощи их жен в устройстве поминок как надо, по-людски. На что капитан, допив стакан водки одним глотком, с трудом переводя дыхание, проговорил:

– А где здесь люди?

– Ладно... ты это не того!.. держись, – сказал майор, замкомполка по политической части и вышел из квартиры.

Из больницы супруга капитана присылала ему ежедневные Ц.У. Ее ценные указания достаточно четко регламентировали жизнь надолго оставшейся без нее семьи и, после ухода офицеров капитан Исабаев, пошатываясь, двинулся к почтовому ящику за очередным письмом, но кроме «Красной звезды», там ничего не оказалось. Капитан растерянно принялся листать газету, безнадежно пытаясь выискать в ней какой-нибудь приказ, в котором пусть намеком, но было бы сказано, что же ему теперь предпринять.

По аналогии с прошлыми Ц.У. жены, он принял решение уложить детей спать, оставив ввиду сложности обстановки обязательное мытье ног и прием кефира. Наверное, это была его главная ошибка. Малыши сразу уловили вдруг появившуюся непоследовательность в установках отца и тут же принялись отстаивать право жить так, как им теперь хочется. Рыжий Хамит наотрез отказался надеть пижаму, а кучерявые шестилетние близнецы втащили в свою постель бездомного пса, приставшего к ним еще «там, где сейчас мама». Лишь только самый маленький уснул без пререканий, прямо на полу, среди игрушек

¹ *Gaumi* – собирательный пример стран, в которых военные время от времени захватывают власть.

и гильз, в одежде и ботиночках. На вопрос «почему они грубят ему?» – дети отвечали отцу недовольно и загадочно:

– Мама просто так не умирают.

Пьяный капитан ничего не понял и сказал, что она умерла от рака крови... кровь стала больной. На что рыжий Хамит проворчал тоном гарнизонных бабок:

– Мы все здесь перемрем от рака.

Чувствуя как в Эрике боль особенно остро проявилась, Арон сосредоточился, желая принять хотя часть ее на себя, но тут капитан Исабаев опрокинул в себя полбутылки водки и упал замертво рядом с сыном на палас. Ладно, очнется, поговорим, решил Арон. Но утром началась такая суета... Старший сын, сонно валяясь на диване, наотрез отказался идти в школу, заявив отцу, трясемуся от разваливавшейся на кусочки головы до немевших стоп: «Сам иди!» Капитан Исабаев вытащил его из-под одеяла за ухо, но собрать ему портфель так и не смог. Все учебники разлетелись неизвестно куда. Вооружив сына гарнизонным уставом, он все же отправил его на уроки, а остальных своих отпрысков затем затолкал в детсад.

В этот день он впервые опоздал на службу.

Вернувшись вечером домой с детсадовским племенем, капитан не узнал свою квартиру. Как блеснувший у Чехова на плотине бутылочный осколок говорил о полнолунной ночи, так оказавшаяся на паласе в центре комнаты грязная автомобильная крышка свидетельствовала, что жизнь капитана Исабаева погрузилась в полный мрак. Малышей же стертая крышка жутко обрадовала, и они тут же принялись на ней прыгать. И вопить невесть что. Папаша орал свое, драная собака выла, так как не хотела, чтобы Хамит забил ей в пасть сигнальный патрон.

«Нет, это невозможно вынести», подумал Арон и вылетел за окно и там прилип к наружному стеклу, размышляя о райских садах. «Почему? Неужели я действительно уже покойник?» – возвращался время от времени к нему неприятный вопрос, как правило по вечерам, когда темнело и на улицах городка становилось совершенно безлюдно.

А вот капитану Исабаеву было уже не до горестных переживаний. Наказанный увесистыми подзатыльниками, его рыжий сын сбежал из дома. Нашли Хамита только на третий день. Солдаты патруля сообщили в штаб о передвигающейся перебежками, как лис, в сторону полигона фигурке. Могли бы и выстрелить. Бывало отстреливали, правда, в последние лет тридцать только зверей. Свой поход рыжий Хамит отцу никак не объяснил.

Капитан Исабаев, твердый суворовец, любил порядок во всем, и в своем вдовстве решил не сдаваться, делая буквально все, чтобы хоть как-то отладить нарушившийся ход вещей. Он вытаскивал из-под кроватей подушки, зашивал одежду, выглаживал до дымки каждое полотенце и носовые платки, отдирал от хлеба пластилин... Но все было тщетно. Он даже пробовал поддерживать дисциплину в доме денежными премиями, иногда суля и полтинник. Но и финансовая ловушка, на которую клюнул бы любой нормальный миллионер в

Америке, несмотря на все свое богатство, не дала результатов. Пацаны как взбесились. То, не отзываясь, часами сидели уткнувшись в экран черно-белого телевизора, то за несколько минут, словно смерч с шестнадцатью конечностями, разносили платяной шкаф в щепки. Впрочем, не жаль, дрянь мебель, из прессованных опилок.

Оставалась последняя надежда на тещу, жившую со своим стариком в Белоруссии. Однако на поданный капитаном рапорт с просьбой разрешить приезд родителей покойной жены пришел отказ. Подавать повторные прошения и снова ждать месяц, а то два не имело смысла, так как он сам указал в автобиографии факт пребывания тестя на оккупированной Германией территории. А где ему, подростку из-под Гомеля, еще было пребывать в 1943 году?

К концу учебного года крашенная учительница заявила, что вынуждена оставить Хамита Исабаева на второй год. Позор, сын – второгодник. Капитан, вернувшись домой обозленным как никогда, увидел один свой хромовый сапог в унитазе, другой просто обоссанным. Они были его любимые, не раз он пытался определить им законное место на полированной тумбочке в спальне, да жена не позволяла. Теперь же вот они... униженные, как валенки последнего скотника. И тогда из глаз капитана Исабаева впервые за последние лет двадцать полились слезы. Он глотал соленые капельки и вспоминал, как, зазывая его на свои любимые индийские фильмы, супруга говорила: «Пойдем, поплачем...» И хотя рыдала она одна, глядя на несчастных женщин Раджа Капура, но, возвращаясь домой с мужем под руку, делилась с офицерскими женами: «Мы так с Исабаевым плакали!»

Арон за окном встрепенулся, понимая, что наконец-то пора оказать хотя бы какое-то душевное содействие брату, но опять помедлил. Не любил он, когда Эрик был так зол.

Капитан Исабаев еще походил по пустой загаженной, разрушенной квартире и понял – край! Дальше он снова начнет пить, а там все рухнет, семьи его не станет совсем. И капитан Советской армии принял осуждаемое всем мировым сообществом решение, но на его взгляд единственно правильное.

К ночи он собрал всех своих сыновей в комнате, выстроил их в нечто похожее на шеренгу и, придерживая все падавший на него шкаф коленом, объявил, что он, капитан Исабаев вводит на территории вверенной ему квартиры военное положение. Указ начинает действовать в полночь с 22 на 23 мая 1984 года, неподчинение параграфам новой Конституции, над которой работает Военный комитет в его лице, в частности, нарушение комендантского часа, будет строго караться самыми суровыми мерами, вплоть до расстрела. Демонстрации, митинги, издание газет и журналов без военной цензуры, а также листовок и плакатов запрещены. Затем капитан зачитал приказ № 2, по которому объявлялась всеобщая мобилизация, и все мужское население квартиры, вне зависимости от возраста, считалось призванным в национальную гвардию. Военным комендантом квартиры и командиром

национальной гвардии назначается, с присвоением ему звания сержанта, Хамит Исабаев.

Мальчишки слушали, открыв рот, с изумлением рассматривая отца, экипированного согласно чрезвычайной обстановке в походное обмундирование с полным боевым комплектом. Рыжий Хамит недоверчиво выпячивал губы, готовый вот-вот презрительно сплюнуть на пол, но услышав: «Сержант Исабаев, принять командование гвардией!», неожиданно даже для себя гаркнул:

– Есть принять командование!

Братишки, вслед за ним легко втянувшиеся в новую веселую игру, прыснули было от смеха, но новоявленный сержант кинулся на них с выставленным вперед кулаком и завопил:

– Стоять! Смирно!

Мобилизованные гвардейцы тут же подтянулись, старший кулак им был хорошо знаком.

С введением военной диктатуры ситуация в доме Исабаевых резко изменилась к приемлемому варианту, благодаря не столько возросшему авторитету самого капитана-диктатора, сколько жесткости военного коменданта, да и сам он начал снова ходить в школу. Теперь капитан Исабаев занимался только финансами и внешней политикой, перепоручив все остальное, включая и тюрьму в кладовке, сержанту. И тот вполне справлялся. Лишь один раз, когда встал вопрос о более точном взвешивании сладкого пайка, главе правительства пришлось прямо вмешаться, и нешуточный бунт рядовых не состоялся в полной мере.

Порядок и чистота – вот девиз любой приличной национальной гвардии. Лишь один раз возникла путаница и с совершенно странной стороны. Самый младший четырехлетний сын имел имя Сержан. И как только капитан-диктатор обращался к командиру гвардии по званию, Сержан сам выскакивал вперед. И исправить здесь казус было невозможно даже самыми недемократическими методами. Малыш не желал никак видеть разницу между именем и званием. Пришлось всех солдат без исключения перевести в сержанты, а командиру гвардии присвоить звание лейтенанта с отметкой в приказе № 235: «За успехи в политической и военной подготовке личного состава», что, впрочем, соответствовало действительности.

Капитан Исабаев рано лишился отца, умного, тонкого человека. Мать тоже стала часто болеть, и сын воспитан был в казарменном духе суворовского училища. Но несмотря на это, у него хватило ума, не в пример некоторым хватам тоталитарных режимов, отказаться от погон маршала. Сообразил он, что не стоит торопиться и с введением новой Конституции, а посчитал, что его народу довольно все того же армейского устава. Принятые в армии порядки и дисциплинарные взыскания были привычны и не давали сбоев. Особенной популярностью у коменданта пользовались наряды вне очереди на кухне. Тем более, что их активно поддерживал и сам капитан-диктатор. Они повышали

аппетит у детей и чувство бережливости даже к самому черствому кусочку хлеба.

Итак, на кухне чистилась картошка, полы, если и не блестели, то всегда были чисто вымыты, пластмассовые автоматы и жестяные пистолеты больше не валялись где попало, а аккуратно выстраивались в оружейном уголке. Сам комендант лейтенант Хамит привел в порядок растрепанный семейный фотоальбом, а затем целый вечер, сурово посматривая на занятых самоподготовкой сержантов, ходил задумчивый и перед самым отбоем обратился к капитану-диктатору непривычно панибратски:

– Папа, где та карточка мамы, где она на верблюде?

Столь явное нарушение устава влекло на собой неотвратимое наказание, но вопрос сына взволновал самого Эрика Исабаева. Не само отсутствие той фотографии, конечно, качнуло сердце вдовца, а те приятные воспоминания, связанные с тем же верблюдом на пляже Киргизского моря... Было же вроде счастливое время...

Пять лет назад капитан Исабаев с семьей отдыхал на Иссык-Куле, отпуск пришелся на сентябрь, бархатный сезон! Устроились они чисто и уютно, комната за три рубля почти у самого берега озера. Голубые волны, раскаленный белый песок дикого пляжа, фрукты ведрами... Дети маленькие, близнецам всего по годику, и, естественно, они ничего не соображали сверх того, что им было положено по природе, так что можно было позволять себе супружеский интим гораздо откровенней и с утра до утра.

Капитан Исабаев улыбнулся, от боли вылезла она на лицо кривой. Но все равно приятно было посидеть так, вспомнить.., если бы в это чудное ностальгическое чувство замотанного службой человека не влез опять со своим фотоальбомом сын:

– Ну нет ее нигде! Где она?

– Чего нет?

– Фотокарточки мамы, – уже ожесточенней произнес комендант. – Та, где она на верблюде.

– Ну да, нет, согласился капитан-диктатор, самолично пролистав альбом.

Там на Иссык-Куле, на пляже одного из санаториев семья Исабаевых фотографировалась на отдрессированном специально для такой работы верблюде с короткой ковровой попоной. Тогда жена смеялась и говорила:

– Он хочет имя свое сказать и тянет губы дудочкой: «Ю-ю». Его зовут «Юю».

Ни фотограф, ни Исабаев не возражали по разным на то причинам, а дети верили. В пачке отпечатанных фотографий снимка, где она сидела одна на верблюде, не оказалось. В те безмятежные дни, полные солнечным светом на это никто не обратил внимания. Молодые супруги больше интересовались друг другом как телами живого мира, а не их изображениями. Теперь же капитану Исабаеву отсутствие именно той фотокарточки показалось потерей,

он снова чуть не заплакал от обиды. Но не позволил себе слюнтяйство в присутствии сержантов гвардии:

– Нет, значит, нет, отрезал он.

– Как нет? Если я помню, что мама была одна на верблюде и дяденька ее фотографировал, – заупрямился рыжий Хамит. – Ты один есть, я один есть, а ее нет.

– Ты не можешь помнить, тебе было четыре годика.

– Я помню, – еще более настырней произнес командир национальной гвардии.

– И я! Я тоже! – влезли в разговор кучерявые близнецы.

– А вы вообще соски сосали! – возмутился капитан-диктатор.

– А я тоже помню – мама была, – неожиданно заявил и сержант Сержан, появление которого в то лето только задумывалось, причем совсем не так, а в образе девочки, для чего были куплены заранее бантики.

Последнее заявление, высказанное в абстрактной, но все же и в обобщающей форме, согласно закону, гласящему, что устами младенца глаголет истина, мгновенно накалило обстановку. Капитан Исабаев на себе понял, как неустойчивы становятся военные режимы, когда армия помнит то, что забыл сам диктатор.

– Возможно, мама и фотографировалась одна, но карточка не получилась, такое бывает, – хорошенько все взвесив, начал маневрировать капитан Исабаев, как матерый политик.

– Нет, она получилась! – отрезал лейтенант-комендант Хамит, и гвардия дружно встала за его спиной.

– Значит будем искать, – капитан-диктатор встал, поправил на себе португепю и скомандовал. – Отбой! Разойдись!

Капитан Исабаев надеялся, что фотография, как и Конституция, забудется, однако на следующий день лейтенант Хамит кратко, но твердо спросил:

– Скоро найдется мама?

А через неделю эта фраза звучала в устах гвардии уже как ультиматум, за которым слышался гул мятежа.

Капитан-диктатор вспомнил весь ужас, царивший в доме без матери пацанов: варенье на спинках стульев, степных ужей в карманах шинели, вшей, каким-то чудовищно быстрым способом заводившихся в немых вихрях детей... и самым энергичным образом взялся за поиски утерянной фотографии. Все обыскал, даже газовую плиту сдвигал. Выехать самому за фотографией на Иссык-Куль не представлялось возможным. И он постарался вспомнить, кто из его знакомых служит в частях, расквартированных в Киргизии. Оказалось, один из его сокурсников командует ротой в гарнизоне у поселка Рыбачий, почти там, где он отдыхал с семьей. Капитан Исабаев тут же написал ему письмо с просьбой найти курортного фотографа, который с усами и с немецким акцентом, снимавшего отдыхающих с верблюдом тогда-то и там-то. Результатов положительных из южного военгородка ждать не

приходилось, потому как тот парень в свое время в училище много натерпелся от весьма драчливого курсанта Исабаева. Но чудо случилось. Пришел пакет, и там была злополучная фотография жены на верблюде по имени Ю-ю и даже негативы. Конфликт с гвардией был разрешен, вечером рыжий Хамит аккуратно вклеил карточку в фотоальбом и скомандовал:

– Стройся в баню!

Гвардия отправилась мыться, а капитан выпил пива. Сразу две бутылки, курил на кухне и глупо улыбался, ни о чем не думая, даже не вспоминая о том счастливом курортном лете с Ю-ю.

Солдат спит, служба идет. А мальчики любили поспать. Вот так еще годик продержаться, и можно будет отдать старшего в суворовское училище, а там смотришь и близнецов.

И все же Эрику Исабаеву было трудно без женщины. Если бы нашлась молодая особа по сердцу, то он, пожалуй, поспешил бы сразу перейти к гражданскому правлению. Но такой не находилось. В гарнизонном городке разведенков было на целую роту, но все с детьми да и не нравились они молодому капитану.

И вдруг весной, когда на улицах появляются цветы сирени и тонкие такие ажурные колготки, увидел он у библиотеки девушку, напомнившую ему своей походкой жену.

Гвардия встретила библиотекаршу равнодушно. Но когда она явилась к ним в дом во второй и в третий раз, попила чай, сержанты после ее ухода возмутились:

– Сама бы отдежурила наряд на кухне. А то села, пожрала и ушла себе!

Эрику Исабаеву показалось, что наступил самый удачный момент для объяснений с сыновьями. Он нахмурился и поспешил возмутиться вместе со всеми:

– Вот именно, пусть дежурит на кухне! А то только мы да мы.

Сержантам эта идея все больше нравилась. Они стали рассуждать о больших способностях этой тети мыть и полы, и стирать, на что комендант лейтенант Хамит хмыкнул с иронией и ушел из кухоньки в комнату. В тот же вечер он в отсутствие диктатора провел с сержантами незапланированное политзанятие. Капитан вернулся от своей женщины в первом часу ночи. Улыбаясь, он открыл дверь, попытался включить свет, но выключатель ему в этом не помог. Капитан зажег спичку и полез к электропробкам. В эту секунду в его лицо ударил луч фонарика, а в поясицу ткнулись два ствола.

–Стоять! Руки вверх!

–В чем дело? Да как вы смеете?! – возмутился капитан.

–Руки вверх! Молчать!

Капитана с поднятыми руками провели в комнату, усадили на стул в центре комнаты, и он увидел перед собой всю свою национальную гвардию в полном боевом вооружении. Они стояли с непроницаемыми лицами, широко расставив ноги и не отводя автоматы от еще минуты всемогущего диктатора. От них отделился лейтенант Хамит и сурово произнес:

–Ваше правление кончено. Всю власть в свои руки берет гвардия.

Капитан вздохнул и, не теряя надежды, снова попытался прибегнуть к изощренным дипломатическим приемам:

– Можно руки опустить?

Ему разрешили, и он продолжил уже приятельским тоном:

– Вас не поддержит мировое сообщество, соседи и начальник гарнизона.

И потом финансы... в бухгалтерии вас не признают.

– Нас это не волнует. Мы самостоятельная страна.

– А как же...

– Никак. И никаких теток у нас в доме мы не потерпим! Понятно?

– Понятно...